

3.

Ну здравствуй, родная,
в столь пасмурный вечер
я снова пришел почитать
наш верный герой -
эхо улиц мятежных
страница
шестьсот
двадцать
пять

рассказ был мой прерван
твоими слезами -
густыми, как вязкость смолы
они въелись так, что хотелось
страницы
отдать
в заключение
судьи

мы вдоль, по абзацам,
(читай тротуарам)
идем, рассекая листву
дождь капал весной и
скупыми слезами
нам предвосхищая
беду

строка за строкою
мы вслед за героем
вступаем в предсмертный рывок
ты взглядом твердишь мне:
«не надо, довольно»
но все-таки
спущен
курок

шестьсот двадцать шесть
я умышленно медлю
ловлю безутешный твой вздох
покорно внимая
страницам нетленным
смотрю как
спускается
Бог

по «лесенке» строк
тех, что были доньше
порталом к закрытым мирам
ну что ж ты наделал,
минорный Владимир
на что же
ты нас
променял?

на титул посмертно
влюбленного лирика
срывая божественный куш?
гранитом покрыл
свою милую «Лилечку»
примкнув
к воскресению
душ

как острый твой профиль
глотал папиросы
так я твои строфы в ночи
сплетая изящно ей
рифмами косы
себя
в наготу
обличил

широкой рукою
взамен нам оставил
две сотни изящных поэм
но с пулей твоею мир
будто бы замер
безмолвно
взывая
«зачем?»

шестьсот двадцать восемь
мы с вами знакомы
заочно, иду по пятам
сквозь «лесенку» строк
тех, что были
доньше
вратами
к твоим же
мирам.